

**ФЕНОМЕН «ФЕЙКА»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ «ПОСТПРАВДЫ»**

- Котова
Нина
Сергеевна** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры психологии развития, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: ninakotova@mail.ru
- Дукян
Софья
Сергеевна** кандидат философских наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: duksofia@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен «фейка» в политическом дискурсе и его роль в формировании общественного мнения. Анализируется понятие термина и его значение в современном медиапространстве. Приводятся причины роста «фейковой» информации в политическом дискурсе. В качестве доказательств выдвигаемых в статье предположений приводятся данные зарубежных исследований контента высказываний политических лидеров Америки и Европы о количестве использования ими «фейковой» информации.

Ключевые слова: политический дискурс, «постправда», «фейк».

В истории человечества факты занимали особое место, выступая мерилom целесообразности, эффективности и правдивости явлений, поступков и деятельности. Со времен античности и до наших дней факты считались незыблемым эталоном. Однако сегодня, когда глобальное распространение получили средства телекоммуникации, а идеи западной либеральной демократии не только добровольно принимаются, но и насильственно навязываются, появились безграничные возможности генерировать нужный политический дискурс для массового потребления и роль и функция факта претерпели определенные изменения. Наступила новая, так называемая, эпоха «постправды», стирающая границы между ложью и правдой, где фактом выступает как истина, так и «фейк».

Термин «фейк» прочно вошел в современную действительность, в том числе на официальном уровне. Однако его определение отсутствует в толковых словарях С.И. Ожегова и С.А. Кузнецова, а встречается на русском языке только в онлайн-Вики-словаре:

«Фейк» – неол. жаргон, что-либо лживое, не соответствующее действительности, поддельное, вводящее в заблуждение [1]. Однако отсутствие фиксации в официальных

словарях не ограничивает употребление этого термина «фейк» в повседневной жизни людей на любом уровне, начиная от информации в соцсетях, до той, которую предоставляют официальные источники, государственные структуры. Так некоторые государственные лидеры, дипломаты, чиновники, бизнесмены используют «фейки» в угоду своих интересов, маскируя их под достоверные факты. При этом, чем активнее в политический дискурс включают вместо фактов «фейки», тем успешнее и достовернее кажутся продвигаемые политиками заявления и утверждения.

Поскольку с развитием средств телекоммуникации политика все больше проникает в жизнь обычных людей, чаще всего благодаря доминированию ее контента в телевизионных передачах, факты в публичных выступлениях глав государств, политических деятелей, экспертов не только приобрели статус «гибкого информационного оружия», но изменили собственную природу внутри политического дискурса. Определяемые ранее как явление реальности («факт – истинное событие, происшествие, явление, то, что действительно было, имело место» [2]), они стали виртуальным продуктом, который «производят» эксперты, агентства, отдельные личности. В современном мире истинность «факта» стала зависеть больше от количества вложенных в его создания средств, чем от его реальности. Популистские политические лидеры и некоторые главы государств пользуются безграничными возможностями, которые дают человечеству Интернет и соцсети, для формирования сообщества медиапотребителей созданных ими «фактов».

Тем не менее, кризис авторитета и достоверности фактов произошел не сегодня: проблема истинности, полуправды и лжи антропическая по своей природе. С развитием же прагматического аспекта современный масштаб «фейковых» фактов в политическом дискурсе объясняется несколькими причинами.

Во-первых, в силу развития определенных отраслей знания. Как отмечает Мэри Поуэй, известный историк культуры, тенденция представлять общество с точки зрения фактов возникла еще в позднем средневековье с появлением бухгалтерского учета, который представлял собой единый тип истины, не требующей никакой интерпретации и достоверно воспринимающийся человеком, читающим его. Позднее факты вошли в область экономики, статистики и т. д. и как правило, были прерогативой академических обществ и профессиональных ассоциаций, которые на их основе создавали стандарты (например, к ним относились национальные статистические ассоциации) [3].

XX век столкнулся с таким явлением, как «индустрия» фактов. Многочисленные исследовательские компании проводили опросы, на основе которых в 1920-1930-х годах и формировалось общественное мнение. Сразу после Второй мировой были созданы такие учреждения, как Американский институт предпринимательства, в котором проводилась разработка новой государственной политики с применением фактов статистики и экономики, обслуживающих ту или иную политическую повестку дня. В конце 1990-х и начала 2000-х годов идея основанной на фактических данных политики стала популярной среди либеральных политиков. За свою долгую историю термин «факт» вышел далеко за рамки статистики и стал функционировать как достоверное знание, которыми пользуются публично, без постоянной необходимости в проверке, подтверждении или интерпретации.

Во-вторых, в XXI веке стало слишком много источников информации, уровень доверия к которым зачастую зависит от влияния и возможностей того, кто финансирует индустрию этих фактов.

В-третьих, человечество переживает переходный период от общества фактов к обществу данных, когда статус знаний и чисел в общественной жизни меняется, а сама истина отвергается.

Основная роль факта всегда заключалась в том, что он выступал инструментом урегулирования споров, в том числе политических. Например, группа политиков может не соглашаться с правильностью выбранного экономического курса, но если экономика, следуя этому курсу, выросла на 2 процента, а безработица упала на 5 процентов, они ведут свой спор в рамках общей стабильной реальности.

Однако, как видно из анализа первой причины, мы живем в эпоху данных, а не фактов и именно первые позволяют осуществлять необходимые перемены в общественных настроениях, формировать общественное мнение под воздействием потока информации, осаждающих человека из всевозможных телекоммуникационных устройств. Так данные превращаются в факты, формирующие картину сегодняшнего дня, ближайшего будущего, а иногда и прошлого.

Такие механизмы создают безграничные возможности для политики: данные статистики, картинки, фото и видео, не подтвержденные фактами, приобретают статус заявленной реальности, что позволяет достичь определенного консенсуса в общественном мнении в отношении социальных, экономических, политических и экологических проблем. В таких условиях процветают «теории заговора», а «фейки» превращаются в неопровержимые факты и истину. В результате у человечества остается гораздо меньше возможностей и намерений доказать эту «фейковость».

В настоящее время в англоязычных СМИ и в некоторых европейских новостных издательствах политики называют большую часть риторики своих оппонентов «постправдой» и «фейками»: обвиняют некоторые средства массовой информации или отдельных политиков в предоставлении «фейковой информации», предлагают свои «альтернативные факты». Термин «постправда» в равной степени стал применяться западными политиками и государственными чиновниками к правительственной риторике отдельных государств (России, Индии и Турции), чей политический или экономический курс не соответствует западной и американской парадигме [4].

Почему это стало возможно и почему сегодня так легко убедить общество и народ в том, что из предложенной информации является правдой? Ответ на этот вопрос кроется в отношении самого общества и людей к значению правды и истины: «постправда», заместившая истину, в современном обществе расценивается не как ложь. Ложь предполагает наличие в обществе всеобщего интереса к истинному значению утверждений. Ложь воспринимается как намеренное или случайное отклонение от стандарта, принятого обществом. Утверждения и заявления эпохи «постправды» – абсолютный отрыв от фактической точности, основанный на всеобщем безразличии к тому, какие факты находятся в основе утверждения, заявления, информации, фотографии и т.д.

Такая природа утверждений и риторики «постправды» вместе с растущей потребностью политических режимов, политиков и медиа оказывать влияние на свой народ и народы других стран, означает, что большая часть того, что в настоящее время считается «постправдой» выступает в качестве оружия политической и режимной пропаганды, позволяющей им формировать общественное мнение и общественный страх в отношении разных вопросов: опасности проводимого государством политического курса, диктата того или иного правителя, агрессивных намерениях неугодных правительств определенных государств и т.д.

Исследователи особенностей политического дискурса обнаруживают прямые связи между «имплозией» (разрушение стереотипов восприятия в коммуникации) популярного доверия к политическим лидерам и правительственным организациям и бурным ростом разрушительного популизма [5]. Это постепенно приводит к «дефициту доверия» в обществе в отношении к политикам, правительству, чиновникам, о чем свидетельствуют опросы, проведенные в Новой Зеландии, в США и Великобритании [6].

Периодически «фейковая правда» разоблачается разными источниками. Так, PolitiFact обнаружил, что около 70 процентов заявлений Дональда Трампа фактически попадают в категорию «фейковых», «ложных» [7].

Издательство The Guardian Weekly в одном из своих выпусков напечатало по поводу высказываний Трампа, что Барак Обама не родился в США, что он потратил 4 млн. долларов на судебные издержки, с целью скрыть истинные факты его рождения, что он не начал свою деловую империю с «небольшого займа» у своего отца, а унаследовал 40 млн. Долларов и т.д. «Каждое слово, сказанное Трампом, является ложью, включая «and» и «the»» [8].

Также опрос Ipsos, проведенный в мае 2017 года, обнаружил, что 56% опрошенных говорят, что политика и экономика сфальсифицированы, а деятельность политиков и экономистов направлена против людей [9]. Мнение большинства опрошенных о том, что политики «не заботятся о» простых людях и «не связаны с» их проблемами, указывают на уязвимость электората и его открытость популистским политическим заявлениям.

Конечно, Трамп не единственный яркий представитель политического дискурса «постправды». Издательство The Guardian Weekly отмечает, что кроме Трампа в «фейковых» утверждениях замечены Борис Джонсон, Дэвид Кэмерон и другие. В доказательство издательство пишет: «Стоит вспомнить, что Джонсона дважды уволили, и в обоих случаях это было из-за нечестности: однажды «Таймс» процитировал бывшего лидера Тори Майкла Ховарда, о том, что он (Джонсон) лгал ему в глаза» [10].

В этой же статье отмечается, что Сара Хелм, его бывшая коллега, сказала, что «полуправда Джонсона создала новую реальность», а корреспонденты стали свидетелями того, как выступления Джонсона формировали «наш современный популистский евроскептицизм» [10].

Мы принимаем тот факт, что, к так называемой, «фейковой правде» политики прибегали всегда, но технологии медиакультуры произвели настолько значительный сдвиг в представлении общества о правде и «фейке», что позволяют политикам напрямую общаться с электоратом, а правителям с народом, рассчитывая на то, что у последних отсутствует желание или возможность проверить факт на достоверность. Речь идет о порождении реальности эпохи «постправды», где победила альтернативная реальность, где «фейк» воспринимается как истина.

Существуют различные механизмы, объясняющие значимость фактов в политическом дискурсе и их роль в формировании общественного мнения: во-первых, использование данных (например, статистических) необходимо для обеспечения доверия к заявлениям политиков и чиновников; во-вторых, проверка фактов на «фейковость» редко приводит к изменению общественного мнения. Следовательно, фактическое знание, как правило, не связано с политическими выводами и убеждениями, например, избирателей.

Выявление «фейковости» риторики политика или чиновника не снижает поддержку его популистского курса обществом. В 2017 году во время предвыборной кампании в США было проведено исследование о соотношении атрибуции Трампа, доказательств «ложности» некоторых его заявлений в предвыборных выступлениях и ожидаемых результатов голосования. Основное внимание в исследовании уделялось роли атрибуции источника. Было обнаружено, что на выбор электората при голосовании влияет несколько аспектов: атрибуция источника и его принадлежность к определенной партии. В ходе эксперимента было установлено, что сторонники Трампа не изменили свое мнение в голосовании даже после того, как была доказана «фейковость» его высказываний [11].

В нескольких исследованиях был рассмотрен эффект обратной связи: изучалось, как раскрытие «фейковости» информации не приводило к ожидаемому результату – изменения общественного мнения.

В 2010 году был проведен эксперимент, в котором одной группе избирателей предоставили ложную новостную статью с заявлением Джорджа У. Буша о наличии оружия массового уничтожения в Ираке; другой группе была предоставлена эта же статья, а затем – доклад Duelfer, в котором доказывалось отсутствие такого оружия. Авторы обнаружили, что эксперимент имел обратный эффект, так как избиратели руководствовались не фактами, а идеологией [12].

Следовательно, обратный эффект раскрытия «фейка» в политическом дискурсе вызван, прежде всего, приоритетом «политической идентичности избирателя и мотивационной стороной когнитивного познания», в рамках которых информация оценивается необъективно, с целью укрепить существующие ранее взгляды, принимает форму самофальсификации [13]. Таким образом, речь идет об отсутствии мотивации анализировать реальность, которая приводит к отрицанию реальности.

Таким образом, при исследовании аспектов современного политического дискурса встает один из основных вопросов, как распознать объективность факта и наличие «фейка» в авторитетных политических утверждениях, заявлениях, фото, видео и как добиться от общества адекватной реакции на обнаруженный «фейк».

Сегодня достоверность заявлений политиков основывается на данных, цифрах, фотографиях, достоверность которых принимается многими «по умолчанию». Необходимо создать стандарты, которые позволят отличать «факт» от «фейка»: уровень согласованности и последовательности заявления, надежные источники информации, методы критической оценки и т.д. То есть необходимо наличие таких механизмов, которые позволят повысить мотивацию общества относиться к политическому дискурсу как к реалии, а не как к популистскому нарративу.

Необходима общественная воля на глобальном уровне к формированию политики и культуры проверки фактов на их правдивость, иначе общество погружается в миф, где «фейк» становится не придуманной историей, а реальностью, которой живут [14].

Литература

1. Викисловарь // <https://ru.wiktionary.org/wiki/фейк>
2. Викисловарь // <https://ru.wiktionary.org/wiki/факт>
3. *Poovey, M. (1998) A History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society, University of Chicago Press, Chicago, IL.*

4. Сахибгоряев В.Х., Котов С.В., Понеделков А.В. Имагинативная природа феноменологии «оранжевой революции» на Украине // *Власть*. 2016. №10. С. 198-204.
5. Friedman U. 2016 Jul 1. Trust in government is collapsing around the world. *The Atlantic*. // <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/07/ttrust-institutions-trump-brexit/489554/> [accessed 2016 Nov 10]
6. Brain D. 2016 Kiwis and trust. *Edelman*. // <http://www.edelman.com/post/kiwis-trust/> [accessed 2017 Jul 4]
7. <http://www.politifact.com/personalities/donald-trump/>
8. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician>
9. Cooke Y. 2017 Jul 3. Over half of Kiwis think politics and economy are rigged against them. *Stuff.com.nz*. // <http://www.stuff.co.nz/national/politics/94335554/over-half-of-kiwis-think-politics-and-the-economy-are-rigged-against-them> [accessed 2017 Jul 4]
10. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician>
11. Swire, B., Berinsky, A., Lewandowsky, and Ecker, U. (2017). Processing political misinformation: comprehending the trump phenomenon. *Royal Society Open Science*, 4.
12. Nyhan, B., Porter, E., Reifler, J., and Wood, T. (2017). Taking corrections literally but not seriously? the effects of information on factual beliefs and candidate favorability. Mimeo 23415.
13. Taber, C. S. and Lodge, M. (2006). Motivated skepticism in the evaluation of political beliefs. *American Journal of Political Science*, 50(3):755–769.
14. Голобородько А.Ю., Котов С.В. Культурное просветительство в контексте инструментария государственной культурной политики // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. №7. С. 183-190.

Kotova Nina Sergeevna, Doctor of Philology, Candidate of Philosophy, Professor of the Department of Foreign Languages and speech communications; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Prof. of Cathedra of Developmental psychology (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ninakotova@mail.ru

Dukyan Sofiya Sergeevna, PhD, associate professor, Department of Economics, Finance and nature management; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: duksofia@mail.ru

THE PHENOMENON OF "FAKE" IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE ERA OF "POST-TRUTH"

Abstract

The article considers the phenomenon of "fake" in political discourse and its role in shaping public opinion. The concept of the term and its meaning in contemporary media space are analyzed. The reasons for the growth of "fake" information in political discourse are given. As evidence of the assumptions made in the article, authors provide data from foreign studies of the content of statements by political leaders of America and Europe about the amount of their use of "fake" information.

Keywords: *political discourse, "post-truth", "fake".*